

Zhytomyr Ivan Franko State University Journal.
Philosophical Sciences. Vol. 1(85)

Вісник Житомирського державного
університету імені Івана Франка.
Філософські науки. Вип. 1(85)

ISSN: 2663-7650

ФІЛОСОФІЯ КУЛЬТУРИ PHILOSOPHY OF CULTURE

УДК 130.2:7.05:503.11

DOI 10.35433/PhilosophicalSciences.1(85).2019.45-55

МЕТАМОДЕРН И ЕГО ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ОПЫТ: ВИЗУАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В АРХИТЕКТУРЕ

А. П. Артеменко*

Статья посвящена исследованию мировоззренческих и ценностных основ метамодерна, а также форм их визуализации в современной архитектуре. Социальные и технологические изменения в начале XXI века ознаменовали вступление в новую эру, которую зовут Метамодерн. Этот термин использовался с конца 2000-х годов. Особенности новой эпохи проявляются в разных сферах жизни. Они нашли визуальное проявление в области городского дизайна и архитектуры. Город одновременно является одновременно материальным объектом и символическим проектом. Производство пространства и производство символов становится взаимозависимым процессом. Эти утверждения важны для этого исследования. Исходя из этого, мы рассматриваем архитектуру и городскую среду как визуализацию метамодернистской парадигмы.

*Методологической основой исследования был семиотический анализ визуального объекта, который применен в рамках концепции "производства пространства" А. Лефевра и П. Бурдьё. Объектом нашего анализа является проект *Вотонтиада* (Стамбул, Турция). Цели статьи – провести семиотический анализ архитектурного комплекса *Вотонти* и продемонстрировать переход от парадигмы постмодерна к метамодерну. Предметом данной статьи является анализ реконструкции комплекса *Вотонти* в Стамбуле. Архитектурно-дизайнерское решение комплекса *Вотонти* было создано в рамках новой концепции городского пространства. Это было представлено как широкомасштабный процесс перехода к метамодернистской мировоззренческой парадигме.*

*Проект *Вотонти* решает целый ряд задач по сохранению исторического наследия и созданию привлекательной коммерческой недвижимости. Реализация этого проекта продемонстрировала изменение эстетических предпочтений в области городской перестройки. Это было воспринято как переход к новому восприятию мира. Проект *Вотонти* отразил новое понимание роли человека в многослойном культурном пространстве современного города. Дизайн этого архитектурного объекта*

*Доктор философских наук, профессор,
(Харьковская государственная академия культуры, г. Харьков, Украина)
artemenko.prof@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2445-5902

представлен в виде визуальной риторики, создающей городскую антропологию эпохи метамодерна. В результате мы приходим к выводу, что современная архитектура отражает пять принципов парадигмы метамодерна, а лофт-дизайн становится инструментом для создания нового семиотического поля метамодерна. Показана ценность гармонии в ее организации, поскольку она способствует не только бережному отношению к элементам культурного наследия, но и создает условия для гедонистического восприятия среды повседневной жизни современников.

Ключевые слова: визуализация, метамодерн, эстетический опыт, эстетическая антропология города, культурное наследие, урбанистика, урбанистическое пространство, концепция "производства пространства, символ

METAMODERN AND ITS AESTHETIC EXPERIENCE: VISUALIZATION OF THE WORLD-VIEW PARADIGM IN ARCHITECTURE

A. P. Artemenko

The article investigates the philosophical and value bases metamodern and forms of their visualization in architecture. Social and technological changes at the beginning of the 21st century marked the entry into a new era. Its name is Metamodern. This term has been used since the late 2000s. Features of the new era are manifested in different areas of life. They found a visual manifestation in the field of urban design and architecture. A city at the same time is simultaneously a material object and a symbolic project. The space production and the symbols production becomes an interdependent process. These statements are important to this study. On this basis, we consider the architecture and the city environment as the metamodern paradigm visualization.

The methodological basis of the study was the semiotic analysis of the visual object, which was applied in the framework of the space production theory by A. Lefebvre and P. Bourdieu. The object of our analysis is the Bomontiada project (Istanbul, Turkey). The purposes of the article are to make a semiotic analysis of the Bomonti architectural complex, and to demonstrate the transition from the postmodern paradigm to the metamodern. The subject of this article is an analysis of the reconstruction of the Bomonti complex in Istanbul. The architectural and design solution of the Bomonti complex was created as part of a new concept of urban space. This was presented as a large-scale process of transition to the metamodern worldview paradigm.

The Bomonti project solves a whole range of tasks to preserve the historical heritage and create an attractive commercial property. The implementation of this project demonstrated a change in aesthetic preferences in the field of urban restructuring. This was seen as a transition to a new perception of the world. The Bomonti project reflected a new understanding of the human role in the multilayer cultural space of a modern city. The design of this architectural object is presented as visual rhetoric, creating the city anthropology for metamodern era. As a result, we come to the conclusion that modern architecture reflects the five metamodern paradigm principles, and loft design is becoming an instrument for creating a new semiotic field of metamodern. The value of harmony in its organization is indicated, because it contributes not only to a careful attitude to the elements of cultural heritage, but also creates the conditions for a hedonistic perception of the environment of everyday life of contemporaries.

Key words: Visualization, Metamodern, Aesthetic Experience, Aesthetic Anthropology of the City, Cultural Heritage, Urban Studies, Urban Space, the Concept of "Production of Space", Symbol

---

ЕСТЕТИЧНИЙ ДОСВІД МЕТАМОДЕРНА: ВІЗУАЛІЗАЦІЯ СВІТОГЛЯДНОЇ ПАРАДИГМИ В АРХІТЕКТУРІ

А. П. Артеменко

У статті досліджено філософські та ціннісні основи метамодерну та форми їх візуалізації в архітектурі. Соціально-технологічні зміни на початку 21 століття ознаменували вступ у нову еру, його назва – Metamodern. Цей термін використовується з кінця 2000-х. Особливості нової

ери проявляються в різних сферах життя. Вони знайшли візуальний прояв у галузі міського дизайну та архітектури. Місто водночас є одночасно матеріальним об'єктом і символічним проектом. Виробництво простору та виготовлення символів стає взаємозалежним процесом. Ці твердження є важливими для цього дослідження. Виходячи з цього, ми розглядаємо архітектуру та довкілля міста як візуалізацію метамодерної парадигми.

Методологічною основою дослідження був семіотичний аналіз візуального об'єкта, який застосовано в межах концепції "виробництва простору" А. Лефевра та П. Бурдьє. Об'єктом нашого аналізу є проект Бомонтіада (Стамбул, Туреччина). Завдання статті – зробити семіотичний аналіз архітектурного комплексу Бомонті та продемонструвати перехід від постмодерністської парадигми до метамодерну. Предметом цієї статті є аналіз реконструкції комплексу Бомонті в Стамбулі. Архітектурне та дизайнерське рішення комплексу Бомонті було створене як частина нової концепції міського простору. Це було представлено як масштабний процес переходу до метамодерністської світоглядної парадигми.

Проект "Бомонті" вирішує цілий комплекс завдань щодо збереження культурної спадщини та створення привабливої комерційної нерухомості. Реалізація цього проекту продемонструвала зміну естетичних уподобань у сфері міської перебудови. Це розглядалося як перехід до нового сприйняття світу. Проект "Бомонті" відобразив нове розуміння ролі людини у багатошаровому культурному просторі сучасного міста. Дизайн цього архітектурного об'єкта представлений як візуальна риторика, що створює антропологію міста епохи метамодерну. У результаті ми дійшли висновку, що сучасна архітектура відображає п'ять принципів парадигми метамодернізму, а лофт-дизайн стає інструментом для створення нового семіотичного поля метамодерну. Вказується значення гармонії в її організації, оскільки вона сприяє не лише дбайливому ставленню до елементів культурної спадщини, а й створює умови для гедоністичного сприйняття оточення повсякденного життя сучасників.

Ключові слова: візуалізація, метамодерн, естетичний досвід, естетична антропологія міста, культурна спадщина, урбаністика, урбаністичний простір, концепція "виробництва простору", символ

Введение. Перспектива проведения широкомасштабного изучения парадигмы метамодерна достаточно актуальна, поскольку это позволяет вскрыть целый пласт социальных практик, механизмы формирования культурных предпочтений и ценностей, становление и кризис мировоззренческой системы постиндустриального общества. Анализ современных архитектурных и дизайнерских практик открывает нам особенности процесса организации городского пространства физическими объектами, "обрастание значениями", которые со временем диктуют логику социальных отношений. Архитектура выстраивает код пространства, который проявляется в системе, где эстетическая роль предмета не является исчерпывающей. Физические объекты города создают функциональную среду жизни отдельного человека, сообществ различного рода. Нам открывается перспектива не

только видения того, как "социальное" и "экономическое" производят сферу эстетического, но и обратного влияния – как эстетическое формирует социальные и экономические отношения. Метамодерн предлагает новый способ отношения к урбанизированному пространству и создаваемому им эстетическому опыту от произвольной и непроизвольной фиксации формы предмета (контур, силуэт), цвета, размещения в пространственной среде и т.д. Инновации современных художественных практик требуют углубленного изучения, в том числе специалистов в области дизайна среды, эстетики, социальной философии и философии культуры, урбанистики.

Данная статья является публикацией части результатов исследования "Spatial Identity Typology of Istanbul", проведенного автором в 2018 году в рамках проекта TUBITAK

2221 – Програма стипендій для приглашенных исследователей (2018/2) (Турция). Этот проект нацелен на исследование мировоззренческих основ, эстетических предпочтений и праксиса метамодерна.

Нерешенные вопросы, затронутые в статье. Предмет этой статьи – анализ реконструкции комплекса XIX века Бомонти в Стамбуле, как пример проявления эстетики и антропологии метамодерна. Этот стамбульский проект решает целый комплекс задач: от сохранения культурного наследия, до создания привлекательного объекта коммерческой недвижимости. Эти практические решения продемонстрировали не только технологический скачок и смену эстетических предпочтений, но и переход к новому восприятию мира, пониманию человеческой роли в многослойном культурном пространстве современного города. Архитектурное и дизайнерское решение комплекса зданий Бомонти было создано в рамках новой концепции урбанистического пространства, отразившей масштабный процесс перехода современного общества к мировоззренческой парадигме метамодерна.

Степень научной разработки. В качестве теоретико-методологической основы исследования была избрана концепция производства пространства А. Лефевра [5], П. Бурдьё и М. де Серто [9]. Это дает нам возможность осмыслить роль пространственных и ментальных структур, физического и социального отношений объектов урбанистической среды. Вместе с этим используются методологические подходы акторно-сетевой теории (АСТ) и в частности ее британской ветви (Дж. Ло [8]), которые представляют архитектурный объект как сложную сетевую систему отношений и функций социального характера. Однако в более широком смысле эти подходы АСТ можно воспринимать как переосмысление феноменологического

принципа Э. Гуссерля "назад к вещам", когда вещь воспринимается как носитель первичного смысла. Он и определяет систему всех ее значений в процессе социального функционирования. Все это дает нам возможность оценить исследуемый объект в ключе проблем философии начала XXI века, таких как утрата аутентичности, закономерности связи пространственного и социального конструирования, гуманизации урбанистического пространства и новой антропологии города [11].

Безусловно, такой подход к изучению архитектурного объекта заставляет обратиться к семиотическому анализу визуального образа. При этом анализ реализуется в рамках триады А. Лефевра (Henri Lefebvre): 1)репрезентация пространства, где оно "физически" интерпретируется архитекторами, урбанистами, дизайнерами и др. специалистами; 2)пространство репрезентации, или "проживаемое пространство", которое создается опытом практик повседневности и является временным, множественным, создающим многослойность его содержания; 3)практики производства материальной формы социального, связывающие репрезентации пространства и пространства репрезентации [5]. По сути, мы приходим к проблеме функционирования ментального образа города и его конкретной чувственной репрезентации. Той самой практике, которая создает гуманистическую среду современного города, комфорт жизни, конкуренцию за человеческие ресурсы. Город одновременно является материальным объектом и символическим проектом, поэтому производство пространства и производство символов становится взаимообусловленным процессом. Это достаточно убедительно продемонстрировала в своих работах Ш. Зукин (Sharon Zukin) [4: 17], отметив совмещение двух принципиально важных производственных систем:

"производство пространства, в котором финансовые инвестиции взаимодействуют с культурными смыслами, и производство символов, которые являются и валютой коммерческого товарооборота, и языком социальной идентификации" [4: 28]. Именно этим обусловлено наше внимание к архитектурным решениям, дизайну городского пространства, проявления определенных стилей, которые позволяют констатировать более глубокие трансформации как в социально-экономической сфере, так и ментальности.

Цель исследования – семиотический анализ архитектурного комплекса Бомонти, чтобы исследовать переход от мировоззренческой парадигмы постмодерна к метамодерну.

Дискуссия и результаты. Начало XXI века продемонстрировало огромные сдвиги: мировоззренческие, информационные, технологические, но также заставило говорить о вступлении в новую эпоху, название которой активно дискутировалось в 2000-х годах. Акцент на отличиях от эпохи конца XX века породил одно из названий: метамодерн. Термин окончательно прижился после эссе "Заметки о метамодернизме" Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера, опубликованном в 2010 году [2]. Мы видим повторение ситуации 1970-х годов, когда на примере развития системы образования работа Ж.-Ф. Лиотар концептуализировала отношение к процессам и явлениям в обществе. Точно так Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер проводят обобщение парадигмальных сдвигов в представлениях человека 1990-2000-х и демонстрируют черты новой социокультурной ситуации метамодерна. Следует отметить, что в их эссе черты метамодернизма прослеживаются на примере нескольких сфер культуры: литературы, кино и архитектуры.

Технологический скачок начала XXI века, изменение характера

социокультурных практик, отказ от политики мультикультурализма (практика социального коллажа) – все это приводит к состоянию, которое авторы эссе описали следующим образом: "Метамодернизм раскачивается между модерном и постмодерном. Он осциллирует между энтузиазмом модернизма и постмодернистской насмешкой, между надеждой и меланхолией, между простодушием и осведомленностью, эмпатией и апатией, единством и множеством, цельностью и расщеплением, ясностью и неоднозначностью" [2]. По сути, мы видим развитие противоречий современной культуры, которые выразили Р. Вентури (Robert Venturi) и Ч. Дженкс (Charles Jencks), анализируя состояние архитектуры второй половины XX века [3: 85-86]. Необходимо отметить, что в этих изменениях прослеживается формирование новой мировоззренческой системы, принципов социальной активности и социального взаимодействия, ценностных и эстетических маркеров. Проблема сложности и упрощения сменилась представлением о многослойности реальности, а отсюда и проявление новых смыслов. Другими словами, речь идет о понимании пространственности, контекстности, контекстуальности любого явления. И это устраняет принцип дихотомичности выбора, оценки, функциональности предметных форм (важного для мировоззренческих основ модерна и постмодерна).

С другой стороны, анализ урбанистического пространства начала XXI века открывает условия возникновения и развития "креативного города" Ч. Лендри (Charles Landry) [7], который стал результатом более сложного и длительного процесса "расцвета всего", описанного Э. Фелпсом (Edmund Phelps) [15]. Однако меркантилизм и свобода Нового времени, воспетые Фелпсом, привели к полиакторному, индивидуализированному социальному

пространству. А также они привели к возникновению условий всеобщей доступности в организации социального, культурного или физического пространства. Собственно, необходимых условий креативного города, которые Э. Манзини (Ezio Manzini) переосмыслил в работе "Дизайн, когда каждый дизайнер" [14].

Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер отмечают, что метамодернизм (также как и постмодернизм) плюралистичен, ироничен и деконструктивен, но эти черты по-разному проявляются. Постмодерн не просто "противостоял модернистскому фанатизму" и "преодолевал модернистские надежды", он вернул понимание сложности и неоднозначности мира. Иными словами, метамодернистская ирония внутренне связана с желанием, тогда как постмодернистская ирония внутренне связана с апатией. Это положение визуализируется в архитектурных приемах в XXI веке. Мы можем это проследить на примере развития стиля лофт в последние 20 лет.

Лофт эпохи постмодерна действительно проявился как деконструкция представления о пространстве города и понимания человеческого пространства. Он создает семантическую модель человеческого присутствия в антигуманном современном городе [1: 323-324]. Это ироничный стиль, который вносит в жилище буржуа детали повседневного окружения пролетария. Лофт в его стилистике незавершенной отделки получает дополнительную ценность. Индустриальный дизайн превращается в элемент лакшари пространства. Это действительно проявление смерти больших нарративов и трансформации смыслов. Но со временем эта "фабрика в доме" и "дом в фабрике" стали знаками человеческого присутствия, поскольку современная фабрика уже не предполагает участия человека в процессе производства, который все больше автоматизируется. Эстетическая ирония обрела признаки

романтической ностальгии по "старым добрым временам". Поэтому лофт 2000-х годов романтизирует прошлое, отсылая к визуальным объектам, порождающим ностальгию по управляемому обществу фордианской эпохи, архитектуре "человеческого размера", присутствию человека при постройке здания и создании ткани города.

Как отмечает Ш. Зукин, "всякая инициатива по изменению городского пространства становится опытом визуальной репрезентации" [4: 28]. Но лофт сегодня перестает быть частным пространством квартиры. Он также выходит за рамки метода социальной коррекции районов, разработанной в начале 2000-х годов. Явление лофта неразрывно связано с тем, что Д. Харви (David Harvey) назвал реализацией права на изменение города, "которое укоренено в повседневных практиках, независимо от того, знаем мы о его наличии или нет" [12: 85]. Лофт-дизайн становится приемом ребилдинга физического и социального пространства современного города. Это уже не всегда перестройка промышленного здания под офисы, кафе и квартиры. Это создание многофункциональных объектов для социальной коммуникации. Такой объект одновременно играет роль архитектурной цитаты в радикально измененном городском пространстве и архитектурной доминанты, задающей общую тему лофта окружающим новостройкам. Так закрепляется новая первичная функция объекта (в терминологии У. Эко): это уже не промышленный объект, а социальное пространство социокультурной коммуникации. Вместе с этим, лофт выступает как технология модификации вторичных функций, под влиянием обогащающих субкодов с дополнительными оттенками значений [10: 222]. Это наиболее глубокое преобразование функционального и символического пространства, лофт в его высочайшем значении. Так преобразования не ограничиваются

акцентом на технической детали конструкции или внесением керосиновой лампы в современный интерьер. Таким образом, мы идем дальше простого декорирования пространства – мы создаем пространство для чтения, перекодированную семиотическую модель урбанизированного пространства. В ней появляется образ современного города как гармоничной человеческой среды обитания, где есть своя логика развития, формы адаптации или культурной мимикрии, ценностный отбор и т.п.

В качестве примера новой концепции лофта мы выбрали реконструкцию бельгийской пивоварни Bomonti Brewery в Стамбуле. Она растянулась на пятнадцать лет и демонстрирует эволюцию лофта этого периода. Классика лофта: здание эпохи промышленной революции, построенное в 1890 году, одна из первых фабрик массового производства и один из первых примеров культуры Beer Garden в Турции середины XX века. С 1990 года этот объект перестал быть заводом. Деиндустриализация Стамбула имеет свои временные рамки, но это сказывается и на понимании эстетики стиля лофт в 2010-х годах.

Проект Bomontiada (Populist) рождается в иной семантической модели. В 2016 году дизайнерская студия "Lagranja Design" из Барселоны реализовала амбициозный проект "The Populist", признанный в этом же году журналом "Time Out" лучшим заведением в Стамбуле. Здесь по-иному работает принцип *roche* или ткани города, поскольку окружение объекта – здание отеля Hilton. Фон комплекса зданий Бомонти составляют либо зеркальные небоскрёбы района Шишли, либо более скромные жилые дома 1980-90-х годов. Перестройка квартала продолжается и ее незавершенность дополняет картину визуального восприятия, намекая на незавершенность самого процесса перехода к новой парадигме метамодерна. По своей природе ткань

города (*roche*) настолько противоречива, что само здание XIX века вписывается в окружение, а не окружение формируется этим зданием. Постмодернистский контраст остается, но он обретает идею многослойности, допущения иного по стилю и природе объекта в ансамбль современного города. Комплекс Бомонти смотрится как внесенный в современный интерьер антикварный предмет, который символизирует идеализированное прошлое, традицию: "Стамбул, который мы потеряли". Текст на сайте проекта Populist говорит о том, что "комплекс Bomonti Culture Inc обеспечивает рождение совершенно новой культуры в стране" [16]. И это не является преувеличением, поскольку сам проект – иллюстрация проявления метамодернизма в архитектуре. Эта новая культура описана фразой Вермюлена и ван ден Аккера: "Постмодернистские работы деконструируют наши предположения о жизненных пространствах. Метамодернистские «романтические» работы переопределяют – и в действительности, возвышают – наши исходные предположения об искусственной среде обитания" [2]. Здание пивоварни – урбанистического монстра XIX века, – сейчас воспринимается как ностальгическое переживание о городе с пропорциями соразмерными человеку; домами с кирпичной кладкой и двускатными крышами. Причудливая башенка пивоварни отражается в зеркальном фасаде отеля Hilton, как контраст "сейчас" и "всегда", который перетекает в архитектурный ансамбль домов конца XX века, символизирующих «совсем недавно». Если есть визуализация метамодернистского принципа метаксиса, то это она: «непримиримость совместного существования».

Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер, со ссылкой на Самуэса, отмечают черты метамодернизма как "случайные" совпадения, потребительское своеобразие гедонизма, и, в широком смысле, фокус на организации пространства, а

не временности. Если это так, то проект Populist соответствует этим критериям. "Случайные" совпадения – и зеркальный небоскреб Hilton стаёт фоном индустриального здания XIX века. Потребительское своеобразие – сохранение объекта урбанистической культуры с наслоенным функциональным и смысловым наполнением плюс его перекодирование в новом окружении. Гедонизм – безусловно, поскольку мы получили эстетически ценный объект многофункционального предназначения, как бы оазис архаического пространства в плотной урбанистической застройке. По определению Шарон Зукин, "характер места определяется точками получения удовольствий" [4: 18]. При этом мы видим, как центрируется внимание на пространственности ансамбля, создании места визуального притяжения. Populist – это своеобразный "atrium" современного квартала. Безликие паркинги, офисцентры, доминанты небоскребов охватывают небольшой квартал малоэтажных промышленных зданий XIX века.

Все это подчеркивает значение материального ландшафта города, как визуальной среды для нового высокотехнологичного глобального общества, которое может себе позволить роскошь "atriума" внутри кварталов небоскребов. Как видим, этот архитектурный жест демонстрирует не только метамодернистскую ностальгию, стремление к многоуровневой смысловой насыщенности пространства города, но и экономическую декларацию возможностей.

Однако турецкий историк архитектуры Д. Кубан (Dogan Kuban) критикует созданный архитектурный стиль Стамбула, называя его "архитектурным хаосом" [13: 550], но в то же время этот хаос становится препятствием для "безымянной американской модели Стамбула" [13: 555]. С точки зрения урбанистики 2000-х годов проблема современного города в потере

аутентичности [17]. "Стерильные" фасады зданий и обезличенные виды современных улиц как своеобразный отголосок интернационального стиля XX века, описанного Чарльзом Дженксом.

Но прелесть Bomontiada в ее пространственности, а не временности. Если прочесть семантическое значение формирующегося ансамбля, то мы не увидим "исторического противостояния" или свидетельства "новой вестернизации" Стамбула. Скорее наоборот – остамбуливание новых архитектурных объектов через их близость к сохранившемуся зданию. Это памятник всех предшествующих вестернизаций, который воспринимается как ткань города, в которую встраивается все остальное. Это топографическая отметка, к которой привязывается созданное пространство современного Стамбула.

Анализируя эстетическую ценность объекта Бомонти, мы можем утверждать, что это полная противоположность первого в Стамбуле здания отеля Hilton, которое стало героем нескольких романов О. Памука как воплощение занесенной современной западной жизни. Такое прочтение вполне допустимо, так же, как и усмотрение в этой постройке возвращения Турции в современный (для второй половины XX века) мир. Но со временем это здание "зарастает" иными строениями. Стамбул поглощает его, превращает в музейный экспонат, отсылку к культуре 1960-70-х годов. Новый отель Hilton тоже становится "участником" объекта Бомонти, но уже в другой роли – фона, на котором проявляется стамбульская аутентичность самой гостиницы. Текучесть, изменчивость современных архитектурных форм всеми способами утверждают семиотическую модель человеческого окружения как жизни, "зависающей между". Это происходит на основании "системы ожиданий и навыков", которые О. Памук (Orhan Pamuk) называет "хюзюн" (hüzün –

печаль), а Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер называют "романтизм", "ностальгия".

Таким образом, анализ проекта Бомонти позволяет сделать следующие выводы. Мы сталкиваемся с особым способом создания городского пространства эстетическими средствами, что приводит к глубокому переосмыслению культуры современного города. При этом сама эволюция стиля лофт позволяет увидеть изменения представлений о современном урбанизированном пространстве и эстетическом опыте, который приобретается людьми при визуальном созерцании искусственных предметных форм, как продукта социальной активности конкретной группы. Безусловно, мы видим обоюдное влияние материального и ментального образа города, физической структуры и языка ее описания, дизайна и функционирования окружения.

В целом анализ комплекса Бомонти позволяет еще раз отметить, что деиндустриализированный город вскрывает факт символического производства в современном урбанизированном пространстве, где художественные практики и искусство становятся средством извлечения финансовых прибылей, осуществления контроля и властного регулирования. Организованное физическими объектами (вещами) городское пространство "обрастает значениями", которые со временем диктуют логику социальных и политических отношений. Слова и операции со словами, по выражению У. Эко, "выстраивают некий код пространства" [10: 31]. Безусловно, этот код присутствует и в системе лофт-дизайна, где эстетическая роль предмета не является исчерпывающей. И при таком отношении к предметному окружению мы неминуемо приходим к необходимости мысли о формировании определенной семиотической модели,

реализуемой в архитектурном объекте. Идея лофта, наверное, ярче всего демонстрирует влияние эстетических, технических, коммуникативных предпочтений на формирование специфической *men-environment paradigm*. Городские пространства заполняются новыми символическими образами, стимулируя горожан к потреблению. Гигантский масштаб и "сырое", незавершенное качество лофта эстетизируется новой урбанистической культурой, а стиль жизни в лофте романтизируется. Лофт из места производства превратился в предмет культурного потребления. Вместе с этим лофтизация запускает процессы формирования городского неравенства, становится основой джентрификации урбанистического пространства.

Выводы и перспективы исследования. По аналогии с характеристикой архитектуры постмодерна, данной Р. Вентури и Ч. Дженксом, мы так же можем выделить пять ключевых принципов метамодерна, отраженных в современной архитектуре.

1) Если архитектура постмодерна выступала против упрощения понимания архитектурного объекта, подчеркивая его противоречивость, то метамодерн вводит более сложный принцип контингентности и контекстуальности объекта, его понимания, как проявления целой сети отношений, смыслов и функций.

2) Постмодерн декларирует принципы двусмысленности и напряженности, которые противостоят принципу ясности в модернизме. В свою очередь метамодерн говорит о метаксисе, зависании, допустимости изменчивости значений.

3) Принцип "и то, и другое", предложенный постмодерном, усиливается в метамодернистской "непримиримости совместного существования".

4) В свою очередь постмодернистский принцип двоякой

функциональности архитектурного объекта также усложняется: он мыслится как объект, включенный в "ткань" города, где его функциональность зависит от всей системы объектных отношений в городской среде.

5) Принцип беспорядочной жизненности, отмеченный как черта постмодерна, в метамодерне трансформируется в "случайные" совпадения, потребительское своеобразие, гедонизм, и не последнюю роль здесь играет гармония и гармонизация среды повседневного обитания человека.

Проведенное исследование дает нам возможность увидеть, как модернизация и сохранение городского пространства могут быть единым процессом. При этом мы пытаемся решить проблему недооценённой роли лофта как уникальной семиотической, семантической и эстетической модели, в которой радикально изменены значение материальных объектов и их социальный смысл, а также роли символов и символизации в ней. В контексте парадигмы метамодерна лофт-дизайн становится инструментом создания нового семиотического поля, где объекты обрели значение отсылок к "добрым старым временам", управляемости общества, участию человека в процессе производства. Мы видим, как в парадигме метамодерна процесс гуманизации городского пространства осуществляется с помощью перекодирования его семантической модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменко А. П., Артеменко Я. И. Гуманизация, или технологии "мягкой власти" в городском пространстве: семиотика лофта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 3. С. 319-331. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.304> (дата обращения 15.09.2019).
2. Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения 15.09.2019)

3. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодерна. Москва: Сторойиздат, 1985. 136 с.
4. Зукин Ш. Культуры городов. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. 419 с.
5. Лефевр А. Производство пространства. Москва: Streike Press, 2015. 432 с.
6. Латур Б. Пересобирая социальное. Введение в акторно-сетевую теорию. Москва: ИД ГУ ВШЭ, 2014. 384 с.
7. Лэндри Ч. Креативный город. Москва: Издательский дом "Классика – XXI", 2006. 399 с.
8. Ло Дж. Объекты и пространства. Социология вещей: сб. ст. Москва: Территория будущего, 2006. С. 223–244.
9. Серто М. де. Изобретение повседневности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1998. 432 с.
11. Artemenko A., Artemenko Ya. Mental Image of the City // Humanities Bulletin. 2018. Vol. 1 (1). P. 82–90.
12. Harvey D. The Right to the City // Richard Scholar (ed.), Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 83–103.
13. Kuban D. Istanbul an urban history: Bizantin, Constantinopolis, Istanbul. Istanbul: İsbank, 2010. 592 p.
14. Manzini E. Design, when everybody designs: An introduction to design for social innovation. Cambridge, MA: MIT Press 2015. 264 p.
15. Phelps E. S. Mass flourishing: How grassroots innovation created jobs, challenge, and change. Princeton, NJ: Princeton University Press 2015. 392 p.
16. Populist. Bomonti Culture Inc. E-resource. Access mode: <http://thepopulist.com.tr/tr/tarihce.aspx> (дата обращения 15.09.2019).
17. Zukin S. Naked City: The Death and Life of Aethentic Urban Places. Oxford, Oxford University Press, 2010. 294 p.

**REFERENCES (TRANSLATED &
TRANSLITERATED)**

1. Artemenko, A. P. & Artemenko, Ya. (2018). Gumanizatsiya, ilitexnologii "myagkoivlasti" v gorodskom prostranstve: semiotikalofta [Humanization, or "softpower" technologie sin urban space: semiotic sofaloft]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 2018, Vol. 11, N. 3, 319-331. E-resource. Access mode: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.304> (Last accessed: 15.09.2019) (in Russian).
2. Vermülen, T., van den Akker, R. (2010). Zametki o metamodernizme. [Notes on metamodernism]. [E-resource. Access mode: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (accessed September 15, 2019) (in Russian).
3. Jenks, C. (1985). *Yazyk arkhitektury postmoderna. [The language of post-modern architecture]*. Moscow: Storyzdat (in Russian).
4. Zukin, S. (2015). *Kul'turygorodov [Culture of the cities]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publition (in Russian).
5. Lefebvre, A. (2015). *Proizvodstvo prostranstva. [Space production]*. Moskva: Streike Press (in Russian).
6. Latour, B. (2014). *Peresobiraia sotsial'noe. Vvedenie v aktorno-setevuiuteoriiu [Rebuilding social. Introduction to actor-network theory]*. Moscow, ID GU VShE Publ (in Russian).
7. Landry, C. (2006). *Kreativnyy gorod [Creative city]*. Moscow: Publishing House "Klassika - XXI (in Russian).
8. Law, J. (2006). *Ob'yekty i prostranstva. [Objects and spaces.] Sotsiologiya veshchey: sb. st. Moskva: Territoriya budushchego, 223-244 (in Russian).*
9. Serto, M. de. (2013). *Izobretenie povsednevnosti [Invention of everyday life]*. St. Petersburg, Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge Publ (in Russian).
10. Eco, U. (1998). *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedeniye v semiologiyu. [The missing structure. Introduction to semiology]*. St. Petersburg: TOO TK "Petropolis" (in Russian).
11. Artemenko, A. & Artemenko, Ya. (2018). Mental Image of the City. *Humanities Bulletin, Vol. 1, 82-90.*
12. Harvey, D. (2003). The Right to the City. *Richard Scholar (ed.), Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures*. Oxford: Oxford University Press, 83-103.
13. Kuban, D. (2010). *Istanbul an urban history: Bizantin, Constantinopolis, Istanbul*. Istanbul: İsbank.
14. Manzini, E. (2015). *Design, when everybody designs: An introduction to design for social innovation*. Cambridge, MA: MIT Press.
15. Phelps, E. S. (2015). *Mass flourishing: How grassroots innovation created jobs, challenge, and change*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
16. *Populist. Bomonti culture Inc.* E-resource. Access mode: <http://thepopulist.com.tr/tr/tarihce.aspx> (Last accessed: September 15, 2019)
17. Zukin, S. (2010). *Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places*. Oxford, Oxford University Press.

Receive: September 15, 2019

Accepted: October 15, 2019